Владимир Скворчинский

Сезон, которого не было

Владимир Скворчинский

Сезон, которого не было

https://litres.ru/74744417
SelfPub; 2026

Аннотация

Виктория — не человек в привычном смысле. Она — воплощённая память города. Точнее: она существует только в тех, кто помнит курорт «живым». Местные её видят, но не осознают, что она не меняется годами. Алон — единственный, кто начинает замечать несостыковки: на старых фотографиях она выглядит точно так же; она не стареет; её воспоминания о прошлом города идеальны, но в них нет деталей настоящего.

Содержание

Глава 1. Приезд 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Владимир Скворчинский
Сезон, которого не было

Алон, 25-летний итальянец с русскими корнями, приезжает в маленький курортный городок на побережье, чтобы провести лето в квартире покойной бабушки и разобраться, что делать дальше. Город встречает его тишиной: закрытые корпуса санатория, пустые пляжи, старики на лавочках, которые говорят только о прошлом. Когда-то здесь был лучший курорт региона — с музыкой, танцами, приезжими знаменитостями. Теперь — скука и ощущение, что время остановилось.

В первый же вечер Алон знакомится с Викторией. Она красива той спокойной, почти нечеловеческой красотой, которая не требует внимания. Её невозможно удивить: ни итальянским шармом Алона, ни абсурдными историями, ни внезапными жестами. Она знает город лучше местных, но говорит о нём так, будто читает по книге. Алон влюбляется — и одновременно начинает бояться.

Постепенно он замечает странности. Виктория не меняется: ни настроения, ни внешности, ни привычек. На старых фотографиях в городском музее он находит женщину, поразительно похожую на неё, — снимок 1970-х. Местные не видят в этом ничего странного: «Это же Вика, она всегда здесь была». Алон начинает копать: расспрашивает стариков, на-

ходит дневник бабушки, в котором та описывает «девушку, которая приходит, когда город засыпает». Чем глубже он копает, тем более зыбким становится город: улицы меняются, люди повторяют одни и те же фразы, время идёт рывками.

Глава 1. Приезд

Автобус остановился там, где не было ничего, кроме таблички с облупившейся краской. Я ждал, что водитель скажет что-то ещё — название города, например, — но он просто открыл двери и уставился на меня в зеркало заднего вида, будто я задерживал его жизнь.

Я вышел.

Чемодан стукнулся о бетон, и этот звук показался мне единственным громким за последние полчаса. Дальше была тишина. Не та тишина, к которой я привык в Италии — когда смолкает шум, но остаётся дыхание города, — а другая. Плотная, как вода в закрытой банке.

Автобус уехал. Я остался стоять на краю дороги, с чемоданом и адресом бабушкиной квартиры, написанным на обороте конверта. За спиной — трасса. Впереди — город.

Он спускался к морю террасами. Белые и кремовые корпуса санаториев, колонны, арки, балюстрады — всё это когда-то было красивым. Теперь краска облупилась, кое-где окна заколочены досками, а на фасаде главного корпуса, у самого входа, висела вывеска: «Закрыто на реконструкцию». Реконструкция, судя по ржавчине на вывеске, длилась уже лет десять.

Я достал телефон. Ни одного сообщения. В Италии сейчас утро, мама, наверное, пьёт кофе на кухне и смотрит в окно

на море, которое никогда не бывает таким тихим, как это.

Я пошёл вниз по дороге.

Город пах морем и пылью. Пыль здесь была особенная — мелкая, белая, как пудра. Она лежала на листьях, на подоконниках, на ступенях. Я прошёл мимо пустого рынка, где несколько женщин в платках раскладывали зелень и творог, и одна из них проводила меня взглядом, в котором не было ни любопытства, ни приветливости — только оценка. *Чужой.*

— Издалека? — спросила она, когда я поравнялся.

— Из Италии.

Она кивнула так, будто это всё объясняло, и отвернулась.

Дом бабушки стоял на улице, названной в честь кого-то, о ком я никогда не слышал. Двухэтажный, с высоким крыльцом и деревянными перилами, которые когда-то были выкрашены в голубой, а теперь облезли до серого. Ключ — тяжёлый, с фигурной головкой — лежал у меня в кармане с самого Стамбула. Я вставил его в замочную скважину, и замок поддался не сразу, будто дверь не хотела меня впускать.

Внутри пахло пылью и засушенными цветами. Кто-то — вероятно, соседка, о которой мне писала мать, — накрыл мебель простынями. Я снял одну и обнаружил кресло с продавленным сиденьем, торшер с абажуром цвета чая и телевизор с выпуклым экраном. На стене висели фотографии в рамках: море, люди в купальниках, смеющиеся, снятые на плёнку. Среди них — молодая женщина в белом платье, очень кра-

сивая, стоящая у перил набережной. Лицо её показалось мне знакомым, но я не мог понять почему.

Я открыл окно. В комнату ворвался воздух — тёплый, солёный, с той же пылью. И вместе с ним — звук. Музыка. Где-то играло пианино. Негромко, но отчётливо: вальс, старый, из тех, что играют в фильмах про пятидесятые.

Я выглянул в окно. Улица была пуста. Ни машины, ни человека, ни открытого окна, из которого могла бы литься музыка. Только пыль, закат и море в конце улицы, блестящее, как фольга.

Я закрыл окно. Музыка не исчезла. Она стала тише, но осталась — как будто играла внутри стен.

Я решил, что устал с дороги.

Вечером я спустился на набережную.

Город преобразился. С темнотой он стал другим: зажглись фонари — старые, чугунные, с тёплым жёлтым светом, — и улицы, днём казавшиеся мёртвыми, наполнились людьми. Не туристами. Местными. Они сидели на лавочках, гуляли парами, дети бегали вокруг клумбы с фонтаном, который не работал. На веранде кафе играл тот же вальс — или мне это казалось?

Я сел на лавочку у парапета. Море внизу дышало тяжело и ровно. Я достал сигарету — привычка, от которой я никак не мог избавиться, — и закурил.

— Здесь нельзя курить.

Голос был ровный, без вызова. Я обернулся.

Она стояла в двух шагах, в свете фонаря, и смотрела на меня без всякого выражения. Тёмные волосы, забранные назад. Белое платье — то же самое, что на фотографии в бабушкиной квартире, только теперь я понял, что оно не старомодное, а просто *вне времени*. И лицо — спокойное, гладкое, будто его никогда не трогали ни солнце, ни ветер, ни усталость.

— Простите, — сказал я и потушил сигарету о перила. — Я не знал.

— Теперь знаете.

Она не уходила. Я ждал, что она скажет что-то ещё — название города, например, или спросит, кто я, — но она просто стояла и смотрела на море, как будто я был частью пейзажа, не более интересной, чем фонтан.

— Я Алон, — сказал я. — Приехал сегодня. Из Италии.

— Знаю.

Я подождал. Она не добавила ничего.

— А вы?

— Виктория.

Она произнесла своё имя так, будто оно было не именем, а фактом — как «море» или «ветер». Я ждал, что она спросит что-то обо мне. Она не спросила.

— Красивый город, — сказал я, чтобы заполнить тишину. — Жаль, что всё закрыто.

— Он не закрыт.

— Главный корпус заколочен.

— Это ничего не значит.

Я посмотрел на неё. Она продолжала смотреть на море. В её профиле было что-то, от чего мне стало не по себе — не красота, а *неизменность*. Как будто она стояла здесь всегда и будет стоять, когда я уеду.

— Вы местная? — спросил я.

— Да.

— Давно?

Она повернула голову. Впервые за весь разговор её глаза встретились с моими, и я почувствовал, как что-то внутри меня сжалось — не от страха, а от странного узнавания, будто я уже видел этот взгляд, только не помнил где.

— Всегда, — сказала она.

Я хотел пошутить — что-то про «всегда» и «местных», — но шутка застряла в горле. Потому что она не шутила. Она говорила буквально.

— Ладно, — сказал я. — Приятно познакомиться, Виктория.

Она кивнула — медленно, как будто это стоило ей усилия, — и пошла дальше по набережной. Я смотрел ей вслед. Она шла не спеша, но расстояние между нами росло быстрее, чем должно было. Через минуту она уже была у фонтана. Ещё через минуту — растворилась в тени деревьев.

Я докурил — вторую сигарету, которую зажёг, не заметив, — и пошёл домой.

Ночью я лежал в бабушкиной постели, слушал море и ду-

мал о том, что в её имени было что-то неправильное. Не в самом имени — в том, как она его произнесла. Как будто это было не имя, а пароль. Как будто она ждала, что я его узнаю.

Я не узнал.

Но когда я закрыл глаза, я увидел её лицо — и понял, что видел его раньше. На фотографии в бабушкиной квартире. На снимке, которому было не меньше пятидесяти лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.